

Б. Н. ШЕПУНОВ И ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В СРЕДЕ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖОУ-ГО В 1930-е—НАЧАЛЕ 1940-х гг.

С. В. Смирнов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

В статье на примере деятельности Б. Н. Шепунова, лидера одной из региональных эмигрантских группировок в Маньчжоу-го, изучается проблема политической борьбы в среде русской эмиграции Маньчжурии в 1930-е—начале 1940-х гг. Документальной основой исследования послужил комплекс неопубликованных материалов, имеющих преимущественно биографический характер. Внутреннее противоборство в политических кругах русской эмиграции в Маньчжоу-го, обусловленное идеологическими расхождениями и принадлежностью к конкурировавшим политическим организациям в 1920-е гг., практически не ослабло даже после ликвидации непопулярных японцам политических группировок и создания единого административного органа (Бюро по делам российской эмиграции), призванного объединить всех эмигрантов. Это противоборство, возглавляемое амбициозными лидерами отдельных группировок, в условиях репрессивного режима в Маньчжоу-го приобрело одиозные формы, сочетавшие силовое давление, взаимное доноительство и политические провокации. Японские военно-административные круги, которые сами не являлись консолидированными, втягивались с подачи различных русских группировок во внутриэмигрантскую борьбу и утрачивали возможность эффективно контролировать конфликт в среде политической эмиграции.

Ключевые слова: русская эмиграция, Б. Н. Шепунов, Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи, Японская военная миссия, Монархическое объединение, Маньчжоу-го, Северо-Маньчжурская железная дорога, станция Пограничная.

Для цитирования: Смирнов С. В. Б. Н. Шепунов и внутреннее противостояние в среде русской политической эмиграции в Маньчжоу-го в 1930-е—начале 1940-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 3. С. 17—26. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-17-26. EDN: RLUODL.



© Смирнов С. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

B. N. SHEPUNOV AND THE CONFRONTATION AMONG THE RUSSIAN POLITICAL EMIGRATION IN MANCHUKUO IN THE 1930s AND EARLY 1940s

S. V. Smirnov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

The article examines the problem of political struggle among the Russian emigration in Manchuria in the 1930s and early 1940s on the example of the activities of B. N. Shepunov, the leader of one of the regional emigrant groups in Manchukuo. The basis of the documentary was a set of unpublished materials, which are mainly biographical in nature. The confrontation in the political circles of the Russian emigration to Manchukuo, caused by ideological differences and membership in competing political organizations in the 1920s, practically did not weaken even after the liquidation of political groups disloyal to the Japanese and the creation of a single administrative body (Bureau for Russian Emigration), designed to unite all emigrants. This confrontation, led by ambitious leaders of individual groups, took on ugly forms under the repressive regime in Manchukuo, combining forceful pressure, mutual denunciation and political provocations. Japanese military and administrative circles, which were not consolidated themselves, were drawn into the internal emigrant struggle at the suggestion of various Russian groups and lost the ability to effectively control the conflict among political emigration.

Keywords: Russian emigration, B. N. Shepunov, Bureau for Russian Emigration in the Manchurian Empire, Japanese military mission, Monarchical Association, Manchukuo, North Manchurian Railway, Pogranichnaya station.

For citation: Smirnov S. V. B. N. Shepunov and the confrontation among the Russian political emigration in Manchukuo in the 1930s and early 1940s. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 3. P. 17–26. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-17-26. EDN: RLUODL.



© Smirnov S. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

История русской эмиграции в Маньчжоу-го (1932–1945), государстве, появившемся в результате отторжения японскими панasiatистскими кругами северо-восточной части Китайской Республики, достаточно полно изучена в отечественной и зарубежной историографии. Между тем в описании политической жизни эмиграции в Маньчжоу-го существует ряд устойчивых тенденций, сформировавшихся еще в 1990–2000-е гг. и требующих серьезных корректировок, обусловленных введением в научный оборот большого массива разнообразных эмигрантских эго-документов. Во-первых, представление о том, что после создания Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ, декабрь 1934 г.) и ликвидации «не-лояльных» к японцам эмигрантских политических организаций (1935) политическая среда эмиграции стала достаточно однородной. Лишь небольшой процент исследователей делают акцент на внутренних противоречиях в среде русской политической эмиграции, существовавших на протяжении всего периода 1930-х гг. и еще больше осложнившихся в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны [1]. Во-вторых, недостаточно высокий уровень персонификации политической истории русской эмиграции в Маньчжоу-го. Очень часто описание политической истории эмиграции сводится к характеристике работы отдельных эмигрантских организаций и перечислению фамилий их активных членов. «Биографический подход» в изучении политической эмиграции в Маньчжоу-го еще достаточно редок [2, 3] в отличие от исследований, касающихся творческой или научной эмиграции. В-третьих, укоренившийся взгляд на полную зависимость (марионеточность) политических кругов эмиграции от японских спецслужб. Между тем, несмотря на огромное значение японских спецслужб в жизни Маньчжоу-го в целом и русской эмигрантской общины, в частности, эмигрантские политические группировки имели возможность вести относительно самостоятельную политическую игру, опираясь на японский ресурс в межфракционной борьбе и «эксплуатируя» противоречия между различными частями японского военно-административного аппарата в Маньчжоу-го и недостаточное понимание японцами особенностей русского сознания.

Целью настоящей публикации является анализ перипетий внутренней борьбы в среде русской политической эмиграции в Маньчжоу-го в 1930-е – начале 1940-х гг. на примере деятельности Бориса Николаевича Шепунова (1897–1946), малоизвестного исследователям в качестве одной из крупных политических фигур Русской Маньчжурии¹.

Основная часть

Начало «политической карьеры». Биография Шепунова до начала 1930-х гг. не отличается обилием фактов. Родился Борис Николаевич в 1897 г. в Елизаветполе. В феврале 1917 г. после окончания 7-го ускоренного курса Елизаветградского кавалерийского училища получил назначение младшим офицером в Черкесский конный полк Туземной (Дикой) кавалерийской дивизии. Воевал на Юго-Западном фронте, за боевую разведку в июле 1917 г. в урочище Лыса Гора был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» [8]. Когда Шепунов получил другую свою награду — Георгиевский крест IV степени с лавровой ветвью, который он указал в анкете БРЭМ [9, л. 4], неизвестно. В августе 1917 г. молодой корнет участвовал в неудачном выступлении Дикой дивизии на Петроград. Уже в эмиграции недоброжелатели будут обвинять Шепунова в том, что тот не служил в Дикой дивизии и приписал данный факт для придания себе политического веса, ссылаясь на отсутствие в Харбине свидетелей, способных подтвердить его принадлежность к офицерскому корпусу дивизии [10, л. 43].

В годы Гражданской войны Шепунов в чине поручика воевал в частях Закаспийского временного правительства и Туркестанской армии, скорее всего в конном Дагестанском дивизионе Закаспийской сводной дивизии. После поражения белых войск сумел бежать на территорию Персии, откуда попал в британский лагерь Танума вблизи Басры, а в сентябре 1921 г. прибыл на британском военном транспорте «Франц Фердинанд» с группой русских военных во Владивосток. На Дальнем Востоке служил в войсках Временного Приамурского правительства, попал в Маньчжурию с эвакуацией осенью 1922 г. Вероятно, вскоре после эвакуации Шепунов оказался на восточной линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [9, л. 2–4]. В 1930 г. он жил с семьей (жена и две дочери) на ст. Хайлин, работал сторожем на рисоочистительном заводе и входил в состав местного кадра (всего 9 человек) созданной генералом М. К. Дитерихсом весной 1930 г. Урало-Приамурской группы Русского Общевоинского союза, где играл наряду с князем Н. А. Ухтомским главную роль [11, с. 183, 199]. Кроме того, Шепунов являлся членом Братства русской правды (БРП).

Отрезок восточной линии КВЖД, проходивший по уездам, прилегавшим к советско-китайской границе, занимал в планах радикальной эмиграции особое место. Здесь после советско-китайского конфликта 1929 г. концентрировались небольшие отряды РОВСовцев и братчиков (члены БРП), работавшие в сопредельных советских районах, где

в связи с коллективизацией наблюдались вспышки недовольства. В частности, функционировал специально созданный в 1931 г. Приграничный отдел БРП, руководство которого размещалось недалеко от ст. Пограничная. Однако советская разведка, имевшая разветвленную агентурную сеть на восточной линии и координировавшая свои действия с Северо-Маньчжурским комитетом ВКП(б) [12, с. 194], эффективно противодействовала работе антибольшевиков. Крупнейшим советским центром на восточной линии являлась ст. Пограничная, более половины русского населения которой имели советское гражданство (всего на Пограничной проживало более 3 тысяч русских). На станции размещалось консульство СССР, работал советский клуб и школа, действовали советские организации — легальный профсоюз и нелегальные ячейки ВКП(б) и комсомола.

Оккупация осенью 1931 г. Маньчжурии японской Квантунской армией и провозглашение здесь «независимого» маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го (март 1932 г.) вызвало выступление против новых властей ряда китайских генералов — Ма Чжаншаня, Су Бинвэня, Дин Чао, Ли Ду, Ван Дэлинь. На протяжении 1932 г. восточная линия КВЖД оказалась ввергнута в хаос боевых действий между японскими частями и подразделениями армии Маньчжоу-го, с одной стороны, и с другой — войсками генералов Дин Чао, Ли Ду («старогиринцы») и бандами хунхузов, которые получали поддержку советской стороны. Используя сложившуюся ситуацию, Полпредство ОГПУ Дальневосточного края, имевшее в своем распоряжении 19 партизанских отрядов и 21 оперативно-ударную группу [13, с. 180], нанесли серьезный урон РОВС и БРП, разгромив Приграничный отдел Братства и ликвидировав его руководство.

В условиях боевых действий эмигрантское население в отдельных пунктах восточной линии организовало для своей защиты отряды самообороны, имевшие в своих рядах немало белых партизан. На лесных концессиях, где было сосредоточено крупное лесодобывающее и лесоперерабатывающее производство, концессионными администрациями формировались охранные подразделения, преимущественно из бывших русских военных. Первый русский охранный отряд под командованием штабс-капитана Я. М. Омельченко был создан администрацией концессии Кондо Сигэси на ст. Яблоня [14, л. 14].

Часть русских радикалов, в том числе Б. Н. Шепунов, сотрудничали с японскими структурами, осуществлявшими борьбу против китайских повстанцев, — жандармерией и полицейскими охранными отрядами.

В начале 1933 г. Шепунов и девять его соратников, служившие в пограничном полицейском отряде Иосимуры, прибыли в составе отряда на ст. Пограничная², где подразделения «старогиринцев» только что сложили оружие и перешли на сторону правительства Маньчжоу-го [15, л. 330]. В задачи русских служащих пограничного отряда и сотрудников железнодорожной полиции входило противодействие попыткам прямого влияния советской стороны на ситуацию на приграничных железнодорожных станциях и выявление советских агентов среди русского населения. Согласно материалам администрации КВЖД, русские полицейские препятствовали свободному прохождению поездов с Уссурийской железной дороги, вскрывали и просматривали пе-

реписку железнодорожных служб, подвергали арестам советских граждан [16, л. 164—180].

В то же время Шепунов и его люди развернули работу по организации общественной структуры, объединявшей эмигрантское население. Попытки создания такой структуры — русской национальной общины (РНО) — предпринимались еще в 1930—1931 гг. представителями Дальневосточного объединения русской эмиграции, которое вместе с Дальневосточным отделом РОВС консолидировало приверженцев великого князя Николая Николаевича («николаевцы»), Н. А. Митаревским и В. М. Леонтовичем. Однако учрежденные Леонтовичем на восточной линии четыре отдела РНО (ст. Мулин, Хайлин, Ханьдаохэцзы, Имяньпо) и передаточно-информационный центр на ст. Пограничная в 1932 г. практически полностью прекратили свое существование [17, л. 269—269 об].

Национальная община на ст. Пограничная была открыта в сентябре 1933 г., а в апреле 1934 г. съездом уполномоченных РНО восточной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (СМЖД) утверждено Главное правление РНО на восточной линии СМЖД, которое возглавил В. Р. Яновский, подвизавшийся, по словам советского консула на ст. Пограничная, в качестве сыщика и имевший связи с японскими спецслужбами [18, л. 14]. Шепунов вошел в состав Главного правления в качестве члена правления.

Целью объединения различных групп и организаций эмиграции указывались «взаимная поддержка, достижение взаимопонимания, защиты материальных и правовых интересов, охранения и поддержания среди эмигрантов основ Русской культуры, Русской Национальной идеологии и религиозных устоев, а также представительство перед административными учреждениями [Маньчжурской империи] по всем общеэмигрантским вопросам» [19, л. 30]. При РНО планировалось организовать культурно-просветительские и спортивные кружки. Главному правлению РНО подчинялись национальные общины на ст. Мулин, Хайлин, Эхо и копия Мулинского углепромышленного товарищества (МУТ).

Группировка Шепунова. На протяжении 1933—1934 гг. вокруг Б. Н. Шепунова сформировался круг единомышленников, признававших его в качестве лидера. В эту группу входили эмигранты, прибывшие на ст. Пограничная не раньше 1933 г. и в основном служившие в пограничном полицейском отряде, железнодорожной и поселковой полиции: подъесаул И. А. Воццо [20, с. 79—96], оказавшийся на фронтах Первой мировой войны в 15 лет, полный Георгиевский кавалер, в годы Гражданской войны — военный летчик, в 1932—1933 гг. служивший в японской жандармерии на ст. Хайлин и в Харбине; юнкер Н. В. Рычков, сын генерала В. В. Рычкова, первого председателя БРЭМ, состоявший в 1932 г. в самообороне Харбина; офицеры-участники Первой мировой и Гражданской войн — поручик Н. В. Меликов, подпоручики П. А. Дегтев, В. А. Бржезицкий, В. И. Грязнов; Н. И. Розалион-Сошальский, сослуживец Шепунова по Туркестанской армии; Г. Г. Джакелли и А. З. Дикарев, пятнадцатилетними мальчишками попавшие в белые войска на Дальнем Востоке; братья В. Н. и Л. Н. Мустафины, дети православного священника, приехавшие в поисках работы на Пограничную из Мукдена; уже упоминавшийся В. Р. Яновский; и др. Все они были членами РОВС и БРП. Среди братчиков наиболее

видное место занимал Воццо, некоторое время являвшийся главой созданного в 1931 г. в Тяньцзине Воскресенского отдела Братства. После разгрома Приграничного отдела БРП он взял под контроль оставшихся в живых братчиков и, вероятно, передал их на связь с японской жандармерией [21, с. 435]. Еще одним человеком, входившим в ближайшее окружение Шепунова, являлся настоятель Пограничного храма Святителя и Чудотворца Николая, протоиерей Георгий Силинский, служивший на станции с 1933 г. и вплоть до своей смерти в декабре 1937 г. [22, с. 7].

«Люди Шепунова», чье влияние распространялось вплоть до ст. Ханьдаохэцзы, в своем стремлении очистить восточную линию СМЖД от советских агентов не останавливались ни перед чем, выбивая из подозреваемых признание в связях с советской стороной с помощью палки и «чайника», широко распространенного орудия пытки на Дальнем Востоке. Особенно усердствовали во время допросов Воццо и Дикарев, которые в эмигрантских документах именовались не иначе как садистами [23, л. 14; 24, л. 20]. Садизм Воццо и Дикарева, возможно, объяснялся тем, что и тот и другой во время Гражданской войны оказались в плену у красных и многое пережили, прежде чем вырвались на свободу. Советское дипломатическое представительство в Маньчжурии неоднократно обращалось к властям Маньчжоу-го с требованием прекратить волну бесчинств русских полицейских в отношении советских граждан в зоне СМЖД, в том числе на ст. Пограничная [25, л. 15–17].

В борьбе против «красной опасности» проявились главные характеристики Б. Н. Шепунова, отмеченные людьми, его хорошо знавшими, — честность, убежденность и непримиримость к коммунизму и Коминтерну, и в то же время одержимость шпиономанией, сведение занятия политикой к разведке и неспособность играть руководящую роль в большом деле [10, л. 163–164].

Осенью 1934 г. «шепуновцы» разоблачили на ст. Пограничная «заговор» с целью организации вооруженной провокации или даже революционного выступления, ориентированного на установление советской власти, участниками которого являлись политические оппоненты ровсовцев — члены местного подразделения легитимистов («кирилловцев») во главе с начальником 27-го отдела Северо-Маньчжурского округа Корпуса Императорских Армии и Флота (КИАФ) подполковником И. М. Вечер-Щербовым [26, л. 1–5].

В осуществлении этой акции Б. Н. Шепунов не мог действовать без поддержки японцев, однако кто оказывал покровительство ему и его людям, мы до сих пор точно не знаем. Не знали этого и сотрудники Харбинского БРЭМ в конце 1930-х гг. Отсутствие сведений о том, с кем работает Шепунов, заставляло его бояться [27, л. 314]. Приводимые Балакшиным сведения о том, что Борис Николаевич являлся агентом японской жандармерии [7, с. 203], не имеют документального подтверждения. Можно предположить, что Шепунов был связан с офицером японской военной разведки Цутия Саказ, долгое время работавшим на восточной линии СМЖД. Цутия дважды возглавлял Японскую военную миссию на ст. Пограничная — сначала в чине майора (1933–1935), позднее в чине подполковника (1939–1940). В 1937–1939 гг. Цутия выполнял функции начальника разведки штаба Корейской армии. Последняя должность, которую он в чине

полковника занимал на восточной линии, была должность начальника Японской военной миссии (ЯВМ) (с августа 1940 г. — отделения информационно-разведывательного управления Квантунской армии) в Муданьцзяне (1940–1941)³. В это же время в Муданьцзян был переведен потерпевший фиаско в Харбине Шепунов.

Японцы были недовольны сближением легитимистов с младороссами, которых считали большевиками, что в конце концов привело к расколу легитимистской организации в Маньчжоу-го и выходу из ее состава лидера маньчжурских легитимистов — генерала В. А. Кислицина и его сторонников. Все арестованные «шепуновцами» на ст. Пограничная легитимисты после избиений и пыток признали свою работу на советскую разведку, после чего были отправлены в Харбин, где их в результате дополнительного расследования оправдал имперский суд [26, л. 18–20]. Между тем ни Шепунов, ни его соратники не понесли никаких наказаний «за превышение полномочий».

Активную роль в борьбе с «советским шпионажем», в том числе в разоблачениях в рядах легитимистов играли бывшие члены КИАФ, служившие в железнодорожной полиции СМЖД, русский контингент которой до 1938 г. возглавлял генерал Кислицин. Среди них наиболее тесно с Шепуновым были связаны Генерального штаба генерал-майор И. П. Пацковский и подполковник М. К. Ермохин.

Большой интерес Б. Н. Шепунова и его людей вызывали действовавшие с 1932 г. на концессионных территориях восточной линии (Кондо, Миясито, МУТ) русские охранные отряды, первоначально не входившие в зону ответственности ни одной из эмигрантских политических группировок. В 1932 г., когда в Маньчжурии началось активное привлечение японцами русских эмигрантов в различные охранные структуры, фашисты и легитимисты разделили «сферы влияния»: генерал В. Д. Косьмин, тогдашний глава Русской фашистской партии (РФП, в 1933–1937 гг. — Всероссийская фашистская партия, ВФП), взял под контроль формирование отрядов, предназначенных для охраны строившихся железных и шоссе дорог; под руководством легитимистов находился русский контингент железнодорожной полиции и пограничные полицейские отряды в Трехречье [27, л. 549]. Даже выход Косьмина из состава РФП (1933) и организация им нового объединения — Военно-монархического союза — не привели к отстранению его от руководства охранными отрядами вплоть до 1935 г.

По мере увеличения количества и роста боевых возможностей концессионных охранных отрядов возросло стремление различных политических группировок установить над ними контроль. К тому же их членов можно было использовать для проникновения на советскую территорию, в чем была сильно заинтересована японская разведка [28, с. 131–137].

На протяжении 1934 г. соратники Шепунова наладили контакты с руководством охранных отрядов, оперировавших в районах ст. Мулин и Хайлин и копей МУТ, однако распространить влияние на все отряды концессии Кондо не удалось — администрация концессии была против «политизации» охранных структур. Ситуация изменилась в феврале 1935 г., когда начальник всех охранных отрядов концессии — есаул Г. К. Адамсон неожиданно сдался с повинной сотрудникам Пограничного поли-

дейского отряда. Как оказалось, Адамсон уже давно имел связь с советскими агентами. После явки с повинной Адамсона был арестован и вывезен на ст. Пограничная его предшественник в руководстве охранными отрядами Кондо — штабс-капитан Я. М. Омелеченко, бежавший в Маньчжурию из СССР только в 1930 г. Его также обвинили в работе на советскую разведку [14, л. 21].

Знакомство с показаниями Адамсона о его «сотрудничестве» с советскими спецслужбами оставляет впечатление того, что это была недостаточно тщательно проработанная политическая провокация, сыгравшая в дальнейшем свою роль в «разоблачении» и ликвидации генерала Г. И. Клерже [29, л. 48—65]. После «чистосердечного покаяния» и Адамсон, и Омелеченко через несколько месяцев заключения на ст. Пограничная были освобождены. Адамсон с семьей вскоре переехал на Пограничную, где жил под присмотром «шепуновцев» до своей кончины в 1940 г.

Воспользоваться в полной мере плодами «дела Адамсона» «шепуновцам» не удалось, их опередили фашисты, отношения с которыми у Б. Н. Шепунова были весьма напряженными — он всемерно препятствовал утверждению ячеек ВФП на «своей» территории. После удаления Адамсона и некоторых других командиров охранных отрядов концессии Кондо их новыми начальниками стали члены фашистской партии — подпоручик Б. Д. Быстров, капитан А. Н. Гукаев, подполковник Л. М. Матов, и др. Они же возглавили партийчейки на местах дислокации отрядов. В 1935 г. в связи с реорганизацией русских охранных отрядов и включением их в состав горно-лесной полиции Маньчжоу-го Гукаев был назначен начальником Управления русскими охранными отрядами (ст. Ханьдаохэцзы), а Шепунов занял лишь пост советника Управления.

Однако Шепунов не собирался складывать оружие. В апреле 1936 г. подполковник Матов подвергся нападению со стороны одного из русских эмигрантов и получил легкое ранение. Расследование по делу о покушении возглавил Шепунов. В своем рапорте на имя начальника Ханьдаохэцзийской ЯВМ по итогам расследования он обвинил фашистов в денежных поборах с отрядников в пользу партии, принуждении к вступлению в ВПФ, превышении полномочий и чрезмерных наказаниях подчиненных, и указал на необходимость смены командования отдельными отрядами. Но удалить фашистов из руководства отрядами концессии Кондо не удалось, произошли лишь некоторые перемещения командиров отрядов. Тем не менее на протяжении 1936—1937 гг., после ряда новых покушений, большинство офицеров из командного состава охранных отрядов и руководителей ячеек ВФП сами покинули ряды партии [30, л. 31; 31, л. 10 об.].

Другим способом утверждения контроля над восточной линией СМЖД со стороны группировки Шепунова являлось закрепление за собой ведущего положения в эмигрантских административных органах после создания Бюро по делам российских эмигрантов. Первое региональное отделение БРЭМ было создано именно на ст. Пограничная в январе 1935 г. на базе местной национальной общины. Возглавил его Б. Н. Шепунов. И. А. Воццо, В. В. Месхи, Н. В. Рычков и В. Р. Яновский получили назначения в качестве начальников отделов отделения. Н. В. Меликов возглавил канцелярию. В 1936 г. в связи с расширением штата отделения в его состав вошли С. А. Егупов, бывший сотрудник

уголовного розыска железнодорожной полиции, Г. Г. Джакелли и Л. Н. Мустафин [32, л. 7].

Вскоре после создания отделения БРЭМ на ст. Пограничная его представительства были открыты на станциях Мулин, Эхо, Ханьдаохэцзы, Яблоня и копиях МУТ [33, л. 3]. Но уже осенью 1935 г. представительство на ст. Ханьдаохэцзы стало самостоятельным отделением Бюро, которому были подчинены представительства на станциях Шитоу-хэцзы, Хайлин, Муданьцзян и на лесных концессиях Кондо. Здесь первенствующая роль в 1935—1937 гг. принадлежала членам ВФП, имевшим в это время среди эмигрантских политических группировок наибольшую поддержку со стороны японцев. Б. Н. Шепунова не устраивало расширяющееся влияние ВФП на восточной линии СМЖД, и он активно интриговал против фашистов. Как следует из агентурных документов БРЭМ, Шепунов не желал признавать и руководящего положения атамана Г. М. Семенова, объявленного японскими кругами вождем русской эмиграции на Дальнем Востоке [34, л. 64]. Однако неудача в борьбе за влияние на ст. Ханьдаохэцзы в ходе «дела Матова» сократила контролируемую группировкой Шепунова территорию до отрезка железной дороги от ст. Пограничная до ст. Эхо⁴.

С образованием отделения БРЭМ на ст. Пограничная активизировалась работа по консолидации русского населения на антисоветской основе, что стало особенно актуальным после продажи Советским Союзом своей доли СМЖД правительству Маньчжурской империи. В результате репатриации 1935 г. большая часть советских граждан — сотрудников железной дороги и их семей, в том числе с восточной линии выехала на родину. Оставшиеся по тем или иным причинам на территории Маньчжурии советские граждане в массе своей были вынуждены перейти в эмигрантское состояние и пройти идейную «перековку».

Центром общественной жизни на ст. Пограничная являлся Русский национальный клуб, при котором функционировали различные эмигрантские объединения. Среди них был ряд молодежных и детско-юношеских организаций: Восточный район Союза мушкетеров, действовавший практически автономно от Харбинской штаб-квартиры (начальник — мушкетерский капитан С. А. Егупов, начальник штаба — Н. В. Рычков)⁵, отделение Объединения российской молодежи⁶ (председатель — Н. В. Рычков), Восточный район Маньчжурского отдела Национальной организации русских разведчиков (НОРР, начальник — И. А. Воццо, начальник штаба — поручик В. К. Европейцев, директор местной гимназии), а также Дамский кружок под руководством жены Шепунова — Зинаиды Ефимовны. Молодежные и детско-юношеские организации имели подразделения в других населенных пунктах восточной линии — кружки молодежи, Лишучжэньская (копия МУТ), Ханьдаохэцзийская, Яблонская и Мулинская бригады НОРР, отряды Союза мушкетеров. В издававшейся с весны 1935 г. Пограничным отделением БРЭМ газете «На границе»⁷ существовала особая «Молодежная страница», где размещались материалы, посвященные идейным основам антисоветской борьбы и вопросам национального воспитания, а также деятельности местных молодежных объединений.

Военный отдел Пограничного отделения БРЭМ координировал работу местного района Дальневосточного союза военных (ДВСВ), общеказачьей

станции и составленной из эмигрантской молодежи учебной команды. Учреждение на ст. Пограничная подразделения ДВСВ, созданного в Харбине в 1935 г. для объединения всех бывших русских военных, где первенствующее положение заняли бывшие легитимисты во главе с генералом Кислицыным, первоначально было встречено со стороны Шепунова и его людей саботажем — постоянным затягиванием регистрации воинских чинов в союзе [17, л. 50–51]. Только назначение в 1936 г. Шепунова начальником Пограничного района ДВСВ обеспечило реальную организацию этого территориального подразделения союза.

Район был разделен на три отдела: Пограничный — от ст. Пограничная до ст. Тайпинлин, включая гор. Дуннин (начальник — подполковник М. К. Ермохин); Мулинский — от ст. Мацхоэ до ст. Даймагоу (начальник — подполковник М. С. Тумашик, агент железнодорожного уголовного розыска, в прошлом начальник отделения РОВС в Мулине); Эховский — от ст. Мадаоши до ст. Хайлин, включая пос. Эрдаохэцзы и форт Коломбо (начальник — подпоручик А. А. Батрагин) [35, л. 1]. Численность состава Пограничного района ДВСВ на протяжении 1937–1940 гг. колебалась от 550 до 470 человек [36, л. 12–42]. Учебную команду на ст. Пограничная, в которой должны были проходить военное обучение чины ДВСВ в возрасте от 17 до 30 лет, возглавлял юнкер Рычков.

Все пограничные казаки (на 1937 г. численность — 56 человек) объединялись в составе общеказачьей станицы, атаманом которой являлся сотрудник железнодорожной полиции, сотник М. Е. Рябович, его помощником — подьесаул Воццо [37, с. 2].

Как показывают материалы газеты «На границе», жизнь эмигрантской общины ст. Пограничная и других населенных пунктов на восточной линии, контролировавшихся «шепуновцами», была достаточно насыщенной. В помещениях Русского клуба и общественной гимназии проводились лекции и доклады, организовывались увеселительные мероприятия (Масленичный, Осенний, Рождественский балы и др.), спортивные соревнования, детские площадки и летние лагеря для разведчиков НОРР, отмечались религиозные праздники и памятные даты (Георгиевский день, День Русской культуры, войсковой праздник Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, и др.). Важная роль в осуществлении культурно-развлекательных мероприятий принадлежала женам пограничника актив — З. Е. Шепуновой, М. А. Воццо (пианистка), В. М. Рычковой (хореограф), Г. М. Егуповой и др.

Большое внимание уделялось политическим мероприятиям, среди которых можно отметить антисоветские акции (митинги в День непримиримости и День общероссийского траура, борьба с безбожием, и др.), строительство памятника павшим в борьбе против советской власти, панихиды на могилах погибших антибольшевиков.

Битва за Харбин. Превращение Б. Н. Шепунова в регионального лидера русской эмиграции в Маньчжоу-го все же не соответствовало масштабам его амбиций. Как писал о Шепунове один из бывших жителей Пограничной, вынужденный покинуть станцию после его ареста «шепуновцами» и дознания с пристрастием, «самовлюблен, местное население с иронией называет его “губернатором”» [38, с. 125].

В начале 1937 г. Борис Николаевич выехал в длительную командировку в Харбин, чтобы вступить в борьбу за лидерство в верхнем эшелоне эмигрантского руководства. Его заместителем в должности начальника отделения БРЭМ и главы Пограничного района ДВСВ остался И. А. Воццо. Вместе с Шепуновым в Харбин уехали П. А. Дегтев, выполнявший при нем роль адъютанта, В. А. Бржезицкий, Г. Г. Джакелли и два брата Мустафины.

В Харбине Шепунов при поддержке сотрудников ЯВМ организовал секретные курсы по изучению СССР с целью организации разведывательной деятельности, где сам выступал в качестве одного из преподавателей. Количество курсантов составляло всего 5 человек — все, кто прибыл вместе с Шепуновым со ст. Пограничная. Главным конкурентом «шепуновцев» в подготовке «разведкадров» являлись фашисты К. В. Родзевского, сформировавшие в это же время школу организаторов, в которой обучалось 11 курсантов. Практика организации курсов оказалась неудовлетворительной, и с 1938 г. японцы полностью взяли под свой контроль подготовку кадров для работы на советской территории в случае начала советско-японской войны, создав при 4-м отделе Харбинской ЯВМ школу агитаторов и пропагандистов [39, л. 14; 40, л. 8]. Впоследствии трое из курсантов «шепуновских» разведкурсов (Джакелли и братья Мустафины), а также Н. В. Рычков составили костяк русского офицерского состава созданного весной 1938 г. секретного воинского подразделения из эмигрантов — отряда Асано.

Будучи в Харбине чужаком, Шепунов нуждался в поддержке и потому пошел на сближение с такими же, как он сам, политическими маргиналами. К этим людям относились группа монархистов — противников легитимистского движения (известный юрист, идеолог монархизма В. Ф. Иванов, подполковник А. М. Косакин, бывший член Военно-Монархического союза, начальник юридического подотдела 6-го отдела Харбинского БРЭМ, и др.) и генерал производства Сен-Бриака Т. П. Москалев, агент ЯВМ, который после пика своей «карьеры» в 1934–1935 гг. находился не у дел [10, л. 42–44]. Кроме того, были улучшены отношения с генералом Кислицыным, обиженным на Шепунова за его чрезмерно рьяную деятельность по ликвидации легитимистского движения на восточной линии СМЖД в 1934 г. В июле 1937 г. Кислицин в качестве члена Президиума БРЭМ и начальника ДВСВ в сопровождении Шепунова посетил ст. Пограничная, где ему был организован очень теплый прием [41, с. 2–3].

В начале 1938 г. генерал Кислицин стал главной кандидатурой на должность нового начальника Харбинского БРЭМ вместо генерала А. П. Бакшеева, недостаточно политически гибкого, малообразованного и одержимого идеей первенства казачества в жизни эмиграции. Кислицин активно продвигал на этот пост главный советник по русским делам Харбинской ЯВМ майор Оноути Хироси, хотя сам генерал не горел особым желанием покидать более спокойное и высокооплачиваемое место главного русского сотрудника железнодорожной полиции [27, л. 317]. В конце концов Кислицину пришлось согласиться.

В мае 1938 г. произошли серьезные перестановки в руководящем составе эмигрантского Бюро — начальником БРЭМ был назначен генерал Кислицин, а Шепунов стал первым секретарем и одновременно вторым заместителем начальника Бюро. Однако пост первого заместителя при сохра-

нении должности начальника 2-го (культурно-просветительского) отдела БРЭМ остался в руках главы фашистской партии — К. В. Родзаевского. По поводу назначения Шепунова на новую должность пограничная газета «На границе» разразилась славословием, указав, что это назначение «является справедливой оценкой и наградой за ту трудную и сложную работу, которая была им выполнена и велась не только на посту Начальника Отделения Бюро на ст. Пограничная и старшего надзирателя полиции, но и до этого» [42, с. 6].

В июне того же года завершилась консолидация всех монархических групп эмиграции в составе единой организации — Монархического объединения под предводительством Б. Н. Шепунова и идеологическим руководством В. Ф. Иванова. Начальником штаба организации стал перебравшийся в Харбин со ст. Пограничная генерал И. П. Пацковский. После образования Монархического объединения окончательно прекратилась деятельность еще существовавших групп легитимистов.

Объединение декларировалось как «центр, в котором должны сосредоточиться и слиться, идейно, все монархически настроенные группы и организации русской дальневосточной эмиграции, а задачи Объединения — дать им всем общую линию направления, не нарушая ничьего устава или внутренних распорядков» [43, с. 1]. В состав Монархического объединения на федеративной основе вошли Дальневосточный союз военных, Союз казаков на Дальнем Востоке, Союз мушкетеров, Маньчжурский отдел НОРР и Литературные кружок им. августейшего поэта К. Р. Включение в Объединение Союза мушкетеров сопровождалось сменой его руководства и внутренним расколом, в немалой степени спровоцированным интригой Т. П. Москалева против В. С. Барышникова (начальник союза в 1929–1938 гг.) и других старых мушкетерских офицеров. Новым начальником существенно поредевшего союза стал «шепуновец» С. А. Егупов [44, с. 97–103].

Монархическое объединение рассматривалось Шепуновым как политический противовес фашистской партии и опора в борьбе за главенствующее положение в эмигрантском Бюро, которую Борис Николаевич начал с попыток вытеснения с должности начальника 3-го (административного) отдела БРЭМ, в прошлом одного из руководителей ВФП М. А. Матковского и установления контроля над его подразделением, занимавшимся, в том числе, сбором разнообразной информации на эмигрантов [34, л. 200–202]. Согласно документам БРЭМ, Шепунова в Бюро поддержали А. М. Косакин и начальник 5-го (благотворительного) отдела Б. А. Стржешевский, имевшие для этого личные соображения [10, л. 62]. В состав 3-го отдела в качестве заместителя начальника был введен П. А. Дегтев, однако ему не доверяли, и установить тесные связи с кем-то из старых сотрудников отдела ему не удалось, так же как собрать компромат о связях Матковского с советским консульством [45, л. 72].

Другим оппонентом Шепунова выступал третий заместитель Кислицина, начальник 4-го (хозяйственного) отдела Бюро М. Н. Гордеев, входивший в т. н. казачью группу БРЭМ наряду с генералом Л. Ф. Власьевским и Л. Л. Черных. И Матковский, и Гордеев обвинялись в связях с советской разведкой, но документального подтверждения этому не было⁸. Отношения Шепунова с Родзаевским тоже являлись соперническими, но до начала 1940-х гг.

они предпочитали не переходить красную черту. Для сбора компромата на своих политических оппонентов Шепунов привлек ряд бывших агентов Москалева [46, л. 8], но создать собственную «разведку» ему так и не удалось.

Еще одним инструментом укрепления первенствующих позиций Шепунова в БРЭМ являлись информационные «вбросы», осуществлявшиеся его людьми. Так, в 1939 г. в Харбине появился обзор эмигрантского Бюро, где все руководители БРЭМ характеризовались в крайне негативных тонах за исключением самого Шепунова, который назывался «единственным приличным, порядочным и надежным человеком» [1, с. 107–108]. Источником происхождения обзора указывался Тяньцзинь, с которым отдельные «шепуновцы», прежде всего А. И. Вошило, имели давние связи.

Ст. Пограничная даже после переезда Шепунова в Харбин сохранила для него важное значение, оставаясь своеобразным тылом. Вплоть до лета 1940 г. Пограничная являлась крупнейшим административным центром эмиграции на железнодорожной линии СМЖД восточнее ст. Ханьдаохэцзы. Начальником Пограничного отделения БРЭМ в 1938 г. был назначен И. А. Вошило, его заместителем — В. К. Европейцев. Люди Шепунова сохранили ведущее положение в БРЭМовском руководстве на станциях Эхо и Мулин и копиях МУТ, а также в командовании русскими отрядами горно-лесной полиции, действовавшими в этих районах.

Время от времени Шепунов посещал Пограничную с официальными визитами и использовал ее потенциал для усиления собственного политического веса в Харбине. Ярким примером этого служит организация им и руководством НОРР (начальник Маньчжурского отдела — подполковник А. П. Зеленой) в августе 1938 г. в районе гор. Дуннин в период советско-японского конфликта на озере Хасан пропагандистской акции — лагерных сборов разведчиков НОРР под антисоветскими лозунгами, привлечших внимание со стороны японских военно-административных кругов, эмигрантской администрации и прессы [47–49].

Чрезмерные амбиции Шепунова, желание играть роль единоличного руководителя привели к внутренним противоречиям в Монархическом объединении, и без того организации политически недееспособной, и не позволили ему создать прочную опору в среде сотрудников БРЭМ. К тому же японцев все больше раздражало нежелание русских политических группировок работать совместно.

Летом 1940 г. после достижения временного примирения между ключевыми фигурами Монархического объединения — Б. Н. Шепуновым, В. Ф. Ивановым и Т. П. Москалевым, которое якобы обеспечил еще один видный деятель Объединения — журналист А. И. Коробов, по слухам тесно связанный с «теневым кардиналом» харбинской политики И. А. Михайловым, возобновились действия против «коалиции Кислицина, Гордеева, Родзаевского и Матковского» [50, л. 11–12]. Возобновление конфронтации внутри БРЭМ заставило начальника Харбинской ЯВМ генерала Янагида Гэндзо перевести в начале 1941 г. Шепунова в Муданьцзян, выросший к этому времени из небольшой железнодорожной станции в крупный промышленный и административный центр восточной части Маньчжурии, где в 1940 г. было открыто районное Восточное Бюро по делам российских эмигрантов (Харбинское БРЭМ стало именоваться Главным),

контролировавшее жизнь эмигрантского населения на большей части восточной линии СМЖД. В то же время в Муданьцзян со ст. Пограничная была переведена Японская военная миссия, которую до октября 1941 г. возглавлял подполковник (с марта 1941 г. — полковник) Цутия Саказ, хорошо знакомый с Шепуновым по ст. Пограничная.

Еще до перевода Шепунова в Муданьцзян в 1940 г. из состава сотрудников Харбинского БРЭМ были уволены и перемещены на другие места службы все сколько-нибудь заметные члены Монархического объединения и «люди Шепунова» — П. А. Дегтев, А. М. Косакин, В. А. Морозов [45, л. 30].

В Муданьцзяне в марте 1941 г. Б. Н. Шепунов возглавил Восточное Бюро и стал собирать вокруг себя своих старых соратников. В частности, в Муданьцзян были переведены в качестве начальника административно-учетного отдела Бюро И. А. Вожило и в качестве советника Бюро — В. С. Хохлов, занимавший до этого должность начальника отделения БРЭМ на копиях МУТ [23, л. 9].

На протяжении 1941 г. «люди Шепунова» осуществили ряд новых «разоблачений» на восточной линии СМЖД, за которыми последовали аресты и пытки подозревавшихся в связях с советской разведкой, в том числе нескольких членов фашистской партии. В дальнейшем большая часть арестованных были оправданы. Однако шесть фашистов, вопреки распоряжению Харбинской ЯВМ об их освобождении, были расстреляны [23, л. 15].

Это стало последней акцией в карьере Шепунова, в марте 1942 г. он был снят с должности начальника Восточного Бюро и переведен на работу в одно из отделений информационно-разведывательного управления Квантунской армии, как и Вожило. Как следует из агентурных сводок БРЭМ, русское население восточной линии СМЖД с радостью встретило увольнение Шепунова и Вожило, именуемых не иначе как палачами [51, л. 58–60]. Летом того же года прекратило свое существование политическое детище Шепунова — Монархическое объединение. В 1942–1943 гг. «люди Шепунова» были удалены из структур БРЭМ на восточной линии и руководства русскими полицейскими отрядами.

В 1945 г. Б. Н. Шепунов был арестован сотрудниками СМЕРШ и в дальнейшем стал фигурантом Московского («семеновского») процесса над руководителями антисоветских белогвардейских организаций и агентами японской разведки (август 1946 г.), решением которого был приговорен к смертной казни.

Выводы

Можно в известной мере согласиться с теми исследователями, кто считает, что русская политическая эмиграция в Маньчжоу-го оказалась заложником внешних обстоятельств, прежде всего сложных перипетий советско-японского противостояния на Дальнем Востоке. Однако абсолютизация данного фактора чрезмерно упрощает ситуацию. Важной проблемой политической эмиграции, выдвинувшей в качестве своего кредо борьбу за уничтожение власти большевиков в России, являлась ее неспособность к преодолению внутренних противоречий, имевших иногда фундаментальный характер, и объединению. Никакие усилия японцев в этом направлении решить проблему не смогли.

Более того, даже организация, призванная объединить русскую эмиграцию в Маньчжурской империи — Бюро по делам российской эмиграции

— превратилась в поле противостояния различных политических группировок. Личные амбиции, недоверие к вчерашним политическим оппонентам, шпиономания — все это подогревало внутренний конфликт. Японские политические круги в Маньчжоу-го, также не представлявшие собой монолитного единства, не сумели выполнить функцию арбитра, контролирующего конфликт в эмигрантской среде, и нередко сами с подачи противоборствующих эмигрантских группировок становились участниками этого конфликта. Можно предположить, что советская разведка, постоянно мониторившая ситуацию в эмигрантской общине, даже во второй половине 1930-х гг., когда делать это стало очень сложно, в той или иной степени использовала стратегию управляемого конфликта для ослабления своего врага.

Примечания

¹ Практически вся информация о Б. Н. Шепунове, представленная в отечественной и зарубежной исследовательской литературе (С. С. Балмасов [4], Дж. Стефан [5], В. Н. Усов [6], и др.), посвященной русской эмиграции в Маньчжоу-го, базируется на сведениях, приводимых П. П. Балакшиным в его масштабной работе «Финал в Китае». Шепунов в сочинении Балакшина, которое не является научным трудом в полном смысле этого слова и не имеет надежной документальной основы, предстает в образе беспринципного карьериста, стремящегося выслужиться перед японцами, жестокого и неразборчивого в средствах достижения своей цели [7, с. 203–206].

² Станция Пограничная имела для японской военной разведки исключительно важное значение как для организации противодействия работе советских спецслужб, так и для осуществления разведывательной деятельности на советской территории, в связи с чем на станции размещалась Японская военная миссия (ЯВМ).

³ Информация любезно предоставлена А. Г. Зорихиным.

⁴ В декабре 1936 г. часть восточной линии СМЖД, контролируемая группировкой Шепунова, оказалась в пограничной зоне, образованной уездами Дуннин, Хунчунь, Мулин, Мишань, Хулинь, с особым режимом проживания для населения. В 1937 г. на ст. Пограничная было закрыто консульство СССР.

⁵ В 1937 г. на восточной линии СМЖД действовало уже два Восточных района Союза мушкетеров: 1-й с центром на ст. Имяньпо и 2-й с центром на ст. Пограничная.

⁶ Объединение российской молодежи было создано при Харбинском БРЭМ в 1936 г. для консолидации молодежи, не входившей в состав молодежных структур ВФП, Союз мушкетеров и Казачьи молодые станицы.

⁷ Отделение БРЭМ на ст. Пограничная было единственным региональным подразделением Бюро, которое имело собственный печатный орган на протяжении всего периода своего существования (1935–1940). Шести/восьмиполосная газета выходила еженедельно.

⁸ Как окажется впоследствии, и М. А. Матковский, и М. Н. Гордеев в годы Великой Отечественной войны действительно стали сотрудничать с советской разведкой [1, с. 215–220].

Список источников / References

1. Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). Москва: Яуза-каталог, 2023. 352 с. ISBN 978-5-00155-574-2.
Aurilene E. E., Tuzhilin S. V. Zalozhniki bol'shoi politiki. Rossiyskiye emigranty v Man'chzhou-digo (1934–1945) [Hostages of big politics. Russian emigrants to Manchukuo (1934–1945)]. Moscow, 2023. 352 p. ISBN 978-5-00155-574-2. (In Russ.).

2. Кротова М. В. В. Ф. Иванов — идеолог монархического движения в Харбине, певец Великой России // Нансеновские чтения-2016: материалы II Междунар. конф. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2018. С. 104 — 116. ISBN 978-5-905042-67-6.

Krotova M. V. V. F. Ivanov — ideolog monarkhicheskogo dvizheniya v Kharbine, pevets Velikoy Rossii [Ivanov — ideologist of the monarchist movement in Harbin, singer of Great Russia]. Nansenovskiye chteniya-2016: materialy VII Mezhdunar. konf. Proceedings of the VII International scientific conference. *Nansen Readings*. Saint Petersburg, 2018. P. 104 — 116. ISBN 978-5-905042-67-6. (In Russ.).

3. Кротова М. В. Иван Андрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64 — 70. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71. EDN: JYNNBI.

Krotova M. V. Ivan Andrianovich Mikhaylov in emigratsii v Kharbine [Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no 2. P. 64 — 70. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71. EDN: JYNNBI. (In Russ.).

4. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. Москва: Центрполиграф, 2007. 559 с. ISBN 978-5-9524-2758-7.

Balmasov S. S. Beloemigranty na voyennoy sluzhbe v Kitaye [White emigrants on military service in China]. Moscow, 2007. 559 p. ISBN 978-5-9524-2758-7. (In Russ.).

5. Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945: пер. с англ. Москва: Слово, 1992. 441 с. ISBN 5-85050-314-5.

Stephan J. Russkiye fashisty: Tragediya i fars v emigratsii. 1925—1945 [The Russian fascists: tragedy and farce in exile, 1925—1945: trans. from Engl.]. Moscow, 1992. 441 p. ISBN 5-85050-314-5. (In Russ.).

6. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 454 с. ISBN 978-5-87317-367-9.

Usov V. N. Sovetskaya razvedka v Kitaye: 30-e gody XX veka [Soviet intelligence in China: 1930s of the 20th century]. Moscow, 2007. 454 p. ISBN 978-5-87317-367-9. (In Russ.).

7. Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. 430 с.

Balakshin P. Final v Kitaye. Vozniknoveniye, razvitiye i ischeznoveniye Beloy emigratsii na Dal'nem Vostoke: v 2 t. [The Final in China: The emergence, development, and disappearance of White emigration in the Far East: in 2 vols.]. San Francisco, Paris, New York, 1958. Vol. 1. 430 p. (In Russ.).

8. Наградной лист Черкесского конного полка на корнета Бориса Шепунова // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 4. Д. 8168. Л. 2.

Nagradnoy list Cherkesskogo konnogo polka na korneta Borisa Shepunova [Reward list of the Circassian Horse Guards for the cornet Boris Shepunov]. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military History Archive (RSMHA)]. File: 409/4/8168/2. (In Russ.).

9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 53735.

Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKK) [State Archive of Khabarovsk Krai (SAKK)]. File: P-830/3/53735. (In Russ.).

10. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17398.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/17398. (In Russ.).

11. Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века: документы и материалы. В 10 т. Т. 8. Противостояние 1927—1941 гг. / Сост. В. А. Авдеев, Ю. А. Алексеев, И. И. Басик [и др.]. Москва: [Б. и.], 2016. 976 с. ISBN 978-5-7681-1125-0.

Russkaya voyennaya emigratsiya 20—40-kh godov XX veka: dokumenty i materialy. V 10 t. T. 8. Protivostoyaniye

1927—1941 gg. [Russian Military Emigration of the 20s—40s of the 20th Century: Documents and Materials. In 10 vols. Vol. 8. Confrontation, 1927—1941] / Comp. V. A. Avdeyev, Yu. A. Alekseyev, I. I. Basik [et al.]. Moscow, 2016. 976 p. ISBN 978-5-7681-1125-0. (In Russ.).

12. Яхимович С. Ю. Военизация североманьчжурской колонии советских граждан в 1920—1930-х гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 192—195. EDN: VBCXRZ.

Yakhimovich S. Yu. Voenizatsiya severoman'chzhurskoy kolonii sovetskikh grazhdan v 1920—1930-kh gg. [Militarisation of the North Manchurian colony of Soviet citizens in the 1920s and 1930s]. *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke. The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2015. No. 1 (45). P. 192—195. EDN: VBCXRZ. (In Russ.).

13. Буюков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 годах. Москва: Кучково Поле; Беркут, 2013. 432 с. ISBN 978-5-9950-0321-2.

Buyakov A. M., Shinin O. V. Deyatel'nost' organov bezopasnosti na Dal'nem Vostoke v 1922—1941 godakh [Activities of security authorities in the Far East in 1922—1941]. Moscow, 2013. 432 p. ISBN 978-5-9950-0321-2. (In Russ.).

14. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35456.

Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAABSR)]. File: R-1/2/35456. (In Russ.).

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 4. Д. 621.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 323/4/621. (In Russ.).

16. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1046.

RGIA [RSHA]. File: 323/5/1046. (In Russ.).

17. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 2.

GAKK [SAKK]. File: P-830/1/2. (In Russ.).

18. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0100. Оп. 17. П. 174. Д. 33.

Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVPRF) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF)]. File: 0100/17/174/33. (In Russ.).

19. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37059 Н/Д.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/37059. (In Russ.).

20. Краснощеков А. А. Зигзаги судьбы Ивана Вошило // Белая армия. Белое дело. 2015. № 22. С. 79—96.

Krasnoshchekov A. A. Zigzagi sud'by Ivana Voshchilo [Ivan Voshchilo's zigzags of fate]. *Belaya armiya. Belaye delo*. 2015. No. 22. P. 79—96. (In Russ.).

21. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920—конец 1940-х годов): моногр. Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с. ISBN 978-5-532-08798-9.

Smirnov S. V. Dal'nevostochnyy tupik: russkaya voyennaya emigratsiya v Kitaye (1920—konets 1940-kh godov) [Far Eastern Deadlock: Russian military emigration in China (1920s—late 1940s)]. Moscow, 2019. 712 p. ISBN 978-5-532-08798-9. (In Russ.).

22. На границе. 1938. 1 января.

Na granitse. 1938. January 1. (In Russ.).

23. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8931.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/8931. (In Russ.).

24. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 13128.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/13128. (In Russ.).

25. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14930.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/14930. (In Russ.).

26. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 7711.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/7711. (In Russ.).

27. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20519.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/20519. (In Russ.).

28. Зорихин А. Г. Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем

Востоке. 1922–1945. Москва: Центрполиграф, 2023. 447 с. ISBN 978-5-227-10476-2.

Zorikhin A. G. *Voyennaya razvedka Yaponii protiv SSSR. Protivostoyaniye spetssluzhby v Evrope, na Blizhnem i Dal'nem Vostoke. 1922–1945* [Military intelligence of Japan against the USSR. Confrontation of intelligence services in Europe, the Middle and Far East. 1922–1945]. Moscow, 2023. 447 p. ISBN 978-5-227-10476-2. (In Russ.).

29. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 448.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/448. (In Russ.).

30. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36899.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/36899. (In Russ.).

31. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48958.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/48958. (In Russ.).

32. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 13008.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/13008. (In Russ.).

33. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 11817.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/11817. (In Russ.).

34. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 29920.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/29920. (In Russ.).

35. ГАХК. Ф. Р-1129. Оп. 1. Д. 1.

GAKK [SAKK]. File: P-830/1/1. (In Russ.).

36. ГАХК. Ф. Р-1129. Оп. 1. Д. 6.

GAKK [SAKK]. File: P-1129/1/6. (In Russ.).

37. На границе. 1936. 5 апреля.

Na granitse. 1936. April 5. (In Russ.).

38. Лешко О. Русские в Маньчжугу. Шанхай: [Б. и.], 1937. 131 с.

Leshko O. *Russkiye v Man'chzhugo* [Russians in Manchuguo].

Shanghai, 1937. 131 p. (In Russ.).

39. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35943.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/35943. (In Russ.).

40. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 48958.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/48958. (In Russ.).

41. На границе. 1937. 11 июля.

Na granitse. 1937. July 11. (In Russ.).

42. На границе. 1938. 15 мая.

Na granitse. 1938. May 15. (In Russ.).

43. На границе. 1938. 3 июля.

Na granitse. 1938. July 3. (In Russ.).

44. Каргапольцев Д. С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1924–1938 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4. С. 97–103. EDN: KWCPPP.

Kargapoltsev D. S. *Soyuz mushketerov v Man'chzhurii (1924–1938 gg.)* [Union of Musketeers in Manchuria (1924–1938)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya. Vestnik NSU. Series History and Philology*. 2009. Vol. 8, Issue 4. P. 97–103. EDN: KWCPPP. (In Russ.).

45. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41875.

GAAOSO [SAABSR]. File: P-1/2/41875. (In Russ.).

46. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12785.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/12785. (In Russ.).

47. На границе. 1938. 14 августа.

Na granitse. 1938. August 14. (In Russ.).

48. На границе. 1938. 21 августа.

Na granitse. 1938. August 21. (In Russ.).

49. На границе. 1938. 28 августа.

Na granitse. 1938. August 28. (In Russ.).

50. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 16080.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/16080. (In Russ.).

51. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18412.

GAKK [SAKK]. File: P-830/3/18412. (In Russ.).

СМИРНОВ Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

AuthorID (РИНЦ): 109346

ORCID: 0000-0001-9283-8166

AuthorID (SCOPUS): 56768978800

ResearcherID: R-4129-2019

Адрес для переписки: s.v.smirnov@urfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

SMIRNOV Sergey Viktorovich, Doctor of the History Sciences, Associate Professor, Professor of the Modern and Contemporary History Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.

AuthorID (RSCI): 109346

ORCID: 0000-0001-9283-8166

AuthorID (SCOPUS): 56768978800

ResearcherID: R-4129-2019

Correspondence address: s.v.smirnov@urfu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 12.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 05.06.2025.